

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ИРИНА СИДОРЕНКО

Аннотация: Автор осуществляет анализ сущности и трансформации современной войны. Причины возникновения тотальной гибридной войны следующие: становление общества модерна, глобализация, де-конвенционализация, ослабление суверенитета национального государства. Утверждается тезис о том, что в обществе постмодерна равновесие мира рушится и война начинает рассматриваться как «новая конвенция», призванная спасти мир.

Ключевые слова: общество постмодерна, конвенция, гибридная война, тотальная война, насилие.

THE TRANSFORMATION OF WAR IN THE MODERN WORLD

Abstract: The author carries out an analysis of the nature and transformation of the modern war. The reasons of a total war are the formation of a modern society, globalisation, de-conventionalisation, weakening of the sovereignty of a national state. In the postmodern society the balance of the world is getting ruined and the war is becoming a “new Convention” in order to save the world.

Keywords: Postmodern Society, Conventionalisation, Hybrid War, Total War, Violence.

Современный мир стремительно меняется, что непосредственно сказывается как на политической сфере, так и на войне, которая из средства политики превращается в саму политику, из средства достижения мира – в сам мир, из ограниченных военных конфликтов – в «тотальную» войну.

Опираясь на осуществленную немецким социологом Питером Вагнером реконструкцию эволюции модерна и концепцию современности отечественного философа Владимира Фурса, можно конкретизировать переживаемую сегодня трансформацию как «завершение организованного модерна» и становление общества постмодерна (Фурс, 2000: 208–209). Для общества «организованного модерна» была характерна конвенционализация во всех сферах его жизнедеятельности. Таким образом, до начала 80-х годов XX века социальный мир был в большей степени управляемым; тотализация социального надзора вела к исчезновению непрозрачных социальных пространств, а стандартизация поведения обеспечивала укрепление социальной стабильности.

В силу этого войны обществ «организованного модерна» также соответствовали принципу конвенциональности, а их ведение было детерминировано международными нормами и правилами. Это же касается и холодной войны, в которой ядерное оружие выступало в качестве противовеса и основания для определенного рода соглашений. Однако сегодня в обществе постмодерна зыбкое равновесие мира, основанное посредством конвенциональности, рухнет и война начинает рассматриваться как «новая конвенция», призванная спасти этот расшатавшийся мир и в целом стать самим миром.

Взаимоотношения между политикой и войной, характерные для обществ модернизи, превратились в свою противоположность, более того, современная война обретает черты, ранее присущие гражданской войне. В силу этого можно отметить несколько характерных черт нового политического порядка, конструируемого «тотальной» войной. Во-первых, в современных обществах наблюдается переход в политике от «обороны» к «безопасности», что в итоге приводит к стиранию различий между внешней и внутренней сферами, между армией и полицией. Во-вторых, в современных условиях власть, стремящаяся к безопасности, во главу угла ставит не легитимность и лояльность граждан к ней, а порядок, установленный силой.

Однако достигнутая так называемая «стабильность» должна быть опять нарушена, иначе возникает сомнение в необходимости самой силы, обеспечивающей этот порядок. В силу этого состояние многих современных обществ можно сравнить с функционированием ядерного реактора, т. е. система будет действовать до тех пор, пока будет

воспроизводится угроза. В-третьих, «война с террором» приводит к оправданию насилия, к которому власти готовы прибегнуть в любой момент и в любой точке земного шара. Таким образом, современная «тотальная» война порождает новый мировой порядок, стремящийся управлять миром не посредством прямого насилия, как это делалось в эпоху модернити, а посредством страха, вызываемого угрозой насилия.

Антиномичная природа современной войны лучше всего, на наш взгляд, отражается в такой характеристике современной войны, как ее гибридный характер. Так, цели гибридной войны уже не являются политическими в традиционном смысле, они связаны с «политикой идентичности» в большей степени, чем с идеологически или геополитически детерминированным «национальным интересом». В обществе постмодерна происходит распадение прежних прочных форм социальной идентичности – класса и нации – и переход к более гибким и открытым формам. Де-конвенционализация социальных практик обуславливает расширение социального пространства для творческого конструирования идентичности. Освобожденная от уз общественной функциональности, социальная идентичность приобретает свободный игровой характер театральной самопрезентации личности, становится высоко индивидуализированной, неустойчивой и текучей. Гибридная война во многом стала возможна благодаря легитимации игры в идентичности, так как предполагает гибридность самой самоидентификации.

С другой стороны, «политика идентичности» предполагает диктат идентичности. Как справедливо отмечает британский исследователь Мэри Калдор (Mary Kaldor), в «политике идентичности» *«речь идет о притязании на власть на основе присвоения ярлыков, ..., и она напрямую связана с идеализированным ностальгическим представлением о прошлом»* (Kaldor, 2012: 40). Именно ностальгия и память о прошлом становятся новым источником политической легитимности, однако, в отличие от политических идей, выступающих основанием для объединения, «политика идентичности», напротив, работает по принципу исключения и тем самым способствует фрагментаризации социального пространства. Уже не важно – с кем ты или за кого, важно только – против кого. Так, идентичность становится основанием для военной мобилизации, более того, она начинает рассматриваться как единственное средство для оправдания войны.

Определим гибридную войну следующим образом: она обладает взаимоисключающими характеристиками, т. е., будучи войной с внеш-

ним противником, ничем не отличается от борьбы с внутренним врагом; являясь одним из основных средств внешней политики, подчас принимает форму гражданской войны; претендуя на тотальность, осуществляется за счет локальных военных конфликтов; постулируя мир в качестве цели, стремится достигнуть его посредством «гуманитарной интервенции».

Характер гибридной войны предполагает размытость территории боевых действий, фрагментарность сетевого пространства, а также смещение комбатанта и не комбатанта, что позволяет определить ее как войну с мирным населением. Ведение гибридной войны осуществляется за счет специфической децентрализованной экономики, зависящей как от внешних источников (гуманитарная помощь, участие диаспор, торговля нефтью, золотом, хлопком и т. д.), так и от криминальных доходов от торговли оружием, наркотиками, работоторговли; и за счет использования гибридных технических средств разных типов обществ (доиндустриального, индустриального и постиндустриального). Так, одновременно используется как самодельная взрывчатка, так и разработки информационного общества, что в целом делает проблематичным как контроль за ситуациями, так и прогнозирование последующих атак, и их специфику. Поэтому справедливо определение современной войны не только как «гибридной» (Ф. Хоффман), но и как «вырожденной войны» (М. Шоу) или «обломка войны» (Дж. Мюллер) (Kaldor, 2012: 30–31).

Гибридная война – это совмещение реальной атаки и символического насилия. Символический терроризм, как одно из самых эффективных средств этой войны, нацелен не на максимальное количество жертв, а на спецэффект от максимально семиотического ущерба. Так, СМИ становятся составной частью пропагандистских операций и, более того, орудием и инструментом ведения гибридной войны.

Гибридная война предполагает также смещение угроз, т. е. национальные государства в современном глобализирующемся мире сталкиваются как с внешней угрозой, так и с внутренней. Другими словами, гибридные войны в обществе постмодерна стали одним из эффективных средств свержения политических режимов, ведения партизанских войн, развязывания гражданских войн.

Таким образом, общество постмодерна, утратившее конвенциональность и девальвировавшее базовые принципы международного права, но сохранившее ядерное оружие, породило такой косвенный путь действия, как гибридную войну, тяготеющую к тотальности.

Библиография

1. Фурс, В.Н. (2000). *Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса*. Минск: ЗАО «Экономпресс».
2. Kaldor, Mary (2012). *New and Old Wars: organized violence in a global era*. Cambridge: Polity.